

УДК 811.512.141
DOI 10.17223/18137083/65/15

**Ф. Г. Хисамитдинова, Г. Н. Ягафарова,
Р. Т. Муратова, М. Р. Валиева**

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа

Место соматизмов в башкирской топонимии*

Статья посвящена исследованию характерных особенностей географических терминов и топонимов, образованных от апеллятивов-соматизмов в башкирском языке на основе метафоризации. Всего выявлено более 60 соматизмов, среди которых преобладают названия видимых частей тела, а не внутренних органов. Большинство географических терминов-соматизмов являются универсальными для всех тюркских языков. В исследовании выявляются географические термины, характерные для башкирской топонимии, объяснены особенности их возникновения в связи с мифологическим воззрением и мировидением башкир. Отмечено, что по применяемым соматизмам различаются горный и водный ландшафты, выявляется специфичное представление каждого из них.

Ключевые слова: башкирский язык, топонимия, соматизмы, ойконимы, гидронимы, оронимы.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-412-020031 p_a («Роль русских письменных источников XVI–XX вв. по Башкортостану в социально-культурной модернизации общества (на материале ономастики)»).

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ, заведующая отделом языкознания Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, научный руководитель Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (просп. Октября, 71, Уфа, 450054, Россия; hisamitdinova@list.ru)

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (просп. Октября, 71, Уфа, 450054, Россия; rishrinat@mail.ru)

Муратова Римма Талгатовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (просп. Октября, 71, Уфа, 450054, Россия; baيرima@yandex.ru)

Валиева Мадина Раилевна – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (просп. Октября, 71, Уфа, 450054, Россия; valieva_1979@list.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 4
© Ф. Г. Хисамитдинова, Г. Н. Ягафарова, Р. Т. Муратова, М. Р. Валиева, 2018

Республика Башкортостан расположена на стыке Европы и Азии, в переходной полосе от Восточно-Европейской равнины (занимающей 2/3 площади края) к горной полосе Южного Урала – Уральским горам (более 1/4) и возвышенно-равнинному Зауралью (1/10). Исключительное месторасположение обуславливает уникальность и разнородность рельефа и ландшафта: здесь степи и лесостепи сменяются тайгой, лесами, горными вершинами; природный ландшафт прорезывают тысячи рек и сотни озер. Каждый природный объект получил свое название, которое в основном связано с языком коренных жителей Южного Урала – башкир. Безусловно, определенный круг названий имеет отношение и к языкам прошлого населения. Очевидно, что топонимия Южного Урала, в том числе и Башкортостана, многослойна и многоязычна; она постоянно привлекала интерес многих поколений исследователей (см. [Киекбаев, 1956; Хисамитдинова, 1991; Камалов, 1994; Усманова, 1994; Березович, 1998; Шакуров, 1998; Бухарова, 2006; Матвеев, 2008; Муратова, 2012; Валиева, 2014] и др.), в работах которых были рассмотрены и вопросы, связанные с изучением отражения духовной культуры, менталитета и мифологии. Однако можно констатировать, что группа мифологизированных и метафорических названий в башкирской топонимии на сегодня практически не изучена, имеются лишь отдельные работы, касающиеся данной проблематики (см. [Хисамитдинова, 1992; Ягафарова, 2008; Бухарова, 2015] и др.). К числу таковых относятся географические термины, возникшие от соматической лексики башкирского языка, актуальность изучения которых продиктована необходимостью осмысления особенностей номинации географических объектов в связи с мифологическими представлениями, составляющими основу мировидения и миропонимания народа. В этом аспекте исследование способствует выявлению специфики башкирской языковой картины мира, что и обусловило наше обращение к исследованию места соматизмов в топонимии.

Новизна исследования заключается в том, что в нем подвергаются интерпретации с точки зрения отражения антропоцентрического мышления и мифологического мировоззрения отсоматические топонимы (оронимы, гидронимы, ойконимы), отобранные методом сплошной выборки из картотеки отдела языкознания Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, около 10 000 из которых представлены в приложениях к десяти tomному «Академическому словарю башкирского языка» [АСБЯ].

Топонимическая лексика, будучи органической частью словарного состава языка, развивалась с ним в тесной взаимосвязи. Поскольку топонимы относятся к разряду имен собственных, то выделяется ряд характерных отличий от слов общей лексики:

- 1) вторичность ономастических номинаций;
- 2) индивидуальность каждого акта номинации;
- 3) особо тесная связь имени с именуемым объектом;
- 4) отсутствие непосредственной связи имени с понятием;
- 5) повышенная связь имени с культурно-историческим фоном, на котором оно возникло [Суперанская, 1984, с. 164].

Вторичность ономастических номинаций основывается на многих параметрах, одним из которых выступает сходство реалии с чем-либо уже известным. Э. М. Мурзаев отмечает, что большинство тюркских топонимов восходит к нарицательным словам-терминам, определяющим природные особенности объекта, какую-либо выделяющуюся характерную черту или явление, положение в пространстве [Мурзаев, 1995, с. 3]. Топоним отражает знание о фрагменте географического пространства, который «опредмечивается во внутренней форме названия, следовательно, для его экспликации необходимо выявить исходный апеллатив» [Березович, 1998, с. 26].

Среди апеллятивов, используемых в башкирских географических названиях, наряду с зоонимами, фитонимами, мифонимами, антропонимами, названиями рельефа, почв, минералов, цвета, особо следует отметить группу апеллятивов-соматизмов, на базе которых метафорическим способом образовано довольно большое количество как собственно географических терминов, так и топонимов. К таковым относятся следующие слова из анатомической лексики, принимающие значение географического термина или топоосновы (после тире дается значение географического термина): *арка* 'спина' – *арка* 'горный хребет', 'гребень горы', 'возвышенность'; *арт* 'спина, зад' – *арт*, *арты* 'задняя сторона'; *ауыз* 'рот' – *ауыз* 'устье, ущелье, вход в ущелье, пещеру, горный проход'; *аяк* 'нога' – *аяк* 'устье', 'подножие горы'; *бармак* 'палец' – *бармак* 'отрог горы', 'остроконечная вершина, скала, пик'; *баиш* 'голова' – *баиш* 'вершина горы, скалы'; 'исток реки'; *беләк* 'локоть' – *беләк* 'отрог горы', 'рукав реки'; *бил* 'поясница' – *бил*, *билән* 'седловина горы'; *бит* 'лицо' – *бит*, *битләү*, *битләк* 'отлогий, широкий склон горы'; *богаз* 'горло' – *богаз* 'пролив'; *бот* 'бедро' – *бот* 'разветвление реки'; *буй* 'рост; стан' – *буй* 'берег, набережная'; *быуын* 'сустав' – *быуын* 'отрог горы'; *имсәк* 'грудь' – *имсәк* 'маленький выступ'; *йөз* 'лицо' – *йөз* 'поверхность'; *йөрәк* 'сердце' – *йөрәк* 'сердцевина, середина, средняя часть'; *кендек* 'пуп' – *кендек* 'подземное русло реки'; *күз* 'глаз' – *күз*, *күзләү*, *күзгәнәк* 'ключ, источник', *күзләүек* 'трясина'; *күкрәк* 'грудь' – *тау күкрәге* 'самая широкая часть горы, склон горы'; *кабак* 'веко' – *кабак* 'обрыв' (обычно у реки); *кабырга* 'бок; ребро' – *кабырга*, *кабырый* 'склон, косогор'; *каш* 'бровь' – *каш*, *кашлак*, *каштак* 'холм', 'возвышенность', 'яр', *кашийер* 'холмистая местность'; *колак* 'ухо' – *колак* 'заводь, затон'; *куйын* 'пазуха' – *тау куйыны* 'теснина'; *кул* 'рука' – *кул*, *кулка*, *кулат* 'ложбина', 'долина', 'приток'; *култык* 'подмышка' – *култык* 'залив, затон', 'лука, высохший проток реки, долина в горах'; *мейе* 'мозг' – *мейе* 'топкое место'; *морон* 'нос' – *морон* 'отрог, вершина горы', 'изгиб горы, излучина реки, узкая полоса воды', *моронтак*, *моронло*, *моронток* 'местность с выступами'; *мөгөз/мөйөз* 'рога' – *мөгөз* 'острая вершина, утес', 'излучина реки, мыс'; *муйын* 'шея' – *муйын* 'перешеек'; *сат* 'пах' – *сат* 'развилка', 'отмель', *сатлык* 'тропинка между горами'; *соңка* 'бугорок затылочной кости' – *соңка*, *соңкор*, *соңкорзок* 'вершина горы', 'гребень горы'; *тамак* 'горло' – *тамак*, *йылга тамагы* 'устье реки'; *терһәк* 'локоть' – *терһәк* 'отрог горы'; *томишөк* 'клюв, морда' – *томишөк* 'выступ горы'; *түбә* 'темя, макушка' – *түбә*, *тау түбәһе* 'вершина', 'холм', 'возвышенность'; *туш* 'грудь' – *туш*, *тау түше* 'склон горы'; *үзәк* 'пищевод' – *үзәк* 'ложбина', 'глубокая долина между горами'; *үңер* 'передняя часть шеи' – *үңер*, *тау үңере* 'косогор', 'ложбина между гор'; *үркәс* 'горб верблюда' – *үркәс* 'выступ горы'; *һеңер* 'жила, сухожилие, сустав' – *һеңер* 'хребет, мыс горы'; *һөйәк* 'кость' – *һөйәк* 'высокая заостренная вершина горы'; *һырт* 'хребет животного' – *һырт* 'хребет горы'; *эс* 'живот' – *эс* 'сердцевина, нутро'; *ял* 'грива' – *ял* 'гребень горы, горная гряда'. Как видим, в результате соотнесения определенных признаков географического объекта с частями тела человека или животного формируется метафорический образ человека или животного, перенесенного на окружающий ландшафт. При этом используются более 60 соматизмов. Для сравнения: по подсчетам О. Т. Молчановой в топонимике Горного Алтая применяется более 30 анатомических терминов [Молчанова, 1982]; Э. М. Мурзаев выделяет 24 термина в киргизской топонимии [Мурзаев, 1974]; К. Конкобаев приводит 30 наиболее употребительных отсоматических географических терминов [Конкобаев, 1980]; в казахской орографической терминологии наблюдается порядка 20 слов анатомической лексики [Топонимия Центрального Казахстана, 1989]. Интересно отметить, что в топонимике регионов, характеризующихся своими ландшафтными особенностями (Горный Алтай и Киргизия – горные об-

ласти, здесь много хребтов, с которых берут начало многочисленные горные реки и ручьи; Казахстану свойственны небольшие горы, степь, равнина, пустыни, но имеется много больших и малых озер; в Татарстане преобладает равнинная местность с небольшими возвышенностями), наблюдается использование как универсальных, присущих всем языкам общетюркских соматизмов (*баш*, *морон*, *һырт* и др.), так и специфических, встречающихся только в определенной местности. Так, в киргизской топонимии выделяются соматизмы, которые в башкирской географической терминологии не встречаются: *айдар* 'чуб, хохолок' – 'конусообразный, выделяющийся холм', *бөйрөк* 'почка' – 'впадина на склоне горы', *боор* 'печень' – 'склон горы', *жаак* 'челюсть' – 'межа, граница', *салаа* 'палец, промежуток между пальцами' – 'горная ложбина, ложбинка', *жүрөк* 'сердце' – 'гора, холм', *карын* 'живот, брюхо, желудок'; в казахской орографии имеются слова *айдарлы* 'с хохолком' – 'вершина горы', *жамбас* 'бедренная кость' – 'косогор, плоскогорье, плато', *жон*, *жота* 'спина' – 'косогор, плоскогорье, плато', *иық* 'плечо', *сауыр* 'круп коня' – 'верхушка, верхняя пологая часть горы', *төскей* 'грудь' – '1) горная возвышенность; 2) склон горы'. И наоборот: соматизм *бит*, *битләү*, *битләс* 'склон горы' и отсоматические оронимы с данным компонентом не наблюдаются среди топонимов Горного Алтая; термин *колак* 'ухо; затон, лука, рукав, излуцина реки или изгиб русла' не употребляется в татарской гидронимии. Таким образом, в каждой топонимической зоне существует свой набор часто повторяющихся типовых и раритетных основ и в комплексе они составляют характерное топонимическое лицо зоны [Молчанова, 1982, с. 81], поэтому языковое оформление географического пространства составляет также и специфику мировидения народа [Nakhanova, 2013; Karabulatova, Sayfulina, 2015].

Как показывают исследования, выполненные в русле антропоцентрической парадигмы, согласно древнейшим представлениям человека все окружающее является прямой проекцией его самого на мир, причем с поправкой на особый мировоззренческий круг, обусловленный окружающей природной средой и общественной обстановкой. Так, о мировоззрении кочевника-киргиза Г. Д. Гачев пишет: «С чем же ассоциируются в сознании киргиза горы и степи, верх и низ? Горы близки по образу к человеку: стоят вертикально; и как индивидуальности – и в массе хребта, снизу вверх шапками, плечом к плечу, как народ. Недаром в эпических песнях естественное для киргиза сравнение: батыра с горой, а членов его тела – с деталями горного пейзажа» [Гачев, 1998, с. 285]. То же видим на материале башкирского фольклора: в известном древнем эпическом произведении башкир «Урал-батыре» над могилой батыра образуется огромная гора, которую народ назвал Урал. Считается, что там и поныне хранятся кости Урал-батыра в виде золота и серебра, а его кровь превратилась в нефть [Башкирское народное творчество, 1987, с. 130]. Все эти мифотопонимические сюжеты представляют собой этиологические взгляды и древние воззрения башкир на окружающую природу и мир. Многочисленные архаические легенды, эпосы, богатырские сказки основаны на антропоморфизации рельефа их обитания.

Соматизмы, используемые в качестве географических терминов, можно распределить по вертикали: верх строения тела человека (голова и все, что с ней связано), туловище (и все, что с ним связано). Такое деление обусловлено пространственным распределением природных объектов по отношению к человеку: человек видит их по вертикали, примеряя части своего тела к окружающему рельефу; и свое тело человек осознает в том же порядке: сначала голова, затем тело с плечами и руками, грудью, спиной, затем поясница и все, что находится ниже нее. Поэтому среди апеллятивов преобладают видимые части тела, а не внутренние органы. Это отличие можно ярко увидеть, например, при сравнении

с другими применениями соматизмов. Так, в башкирских песнях из названий внутренних органов наиболее активными являются соматизмы *йөрәк* 'сердце', *бауыр* 'печень', *бөйөр* 'почка', *кан* 'кровь'. Самым частотным из них является *йөрәк* 'сердце', так как основная функция песен связана с выражением душевного состояния человека. Выводы подтверждают тезис Е. Л. Березович о том, что «для топонимии базовыми являются представления об окружающем ландшафте, для антропонимии – о человеке и коллективах людей, для лирических песен – о межличностных отношениях и т. п.» [Березович, 1998, с. 14].

Рассмотрим, как анатомическая лексика находит отражение в башкирских географических терминах и топонимии (анализ проводится по частотности).

Апеллятив *баиш* 'голова' образует самое большое количество географических названий: в «Словарь топонимов Республики Башкортостан» [2002] вошло более 150 ономастических единиц с компонентом *баиш*, из них более 120 топооснов являются гидронимами, около 30 – оронимами. В [АСБЯ] приводится 38 гидронимов, 45 оронимов, 101 ойконим с основой *баиш*. Голова – наиболее значимая часть тела в башкирской языковой картине мира, она является самым первым органом, который ощущается человеком при его восприятии себя, голова рассматривается как основная, начальная, верхняя, главная, завершающая часть тела, отсюда происходит перенос значений с собственно 'головы' на смежные: 'начало/начальный, основа/основной, главный, источник/источниковый, верх/верхний, вершина/вершинный'. Данная лексема в гидронимах обозначает 'исток, верховые реки': *Баибулак, Баибуляк, Карамалыбаиш*, в составе оронимов – 'вершину горы': *Акбаиш, Икебаиш, Айбаиш*.

Слово *баиш* в значении 'вершина, начало, исток водоема' широко употребляется во всех тюркских языках для обозначения горных вершин, выдающихся скал, утесов, верховьев рек, истоков, часто источников, дающих начало ручьям, рекам [Мурзаев, 1984, с. 7]. В башкирской топонимии слово сакрализуется. Действительно, вершины гор, по представлениям башкир, являются местом обитания духов-покровителей, ежегодно весной к вершинам гор совершаются восхождения. Сакральными являются и истоки рек. Весной башкиры идут к родникам, чистят их, берут воду.

В орографии синонимичным слову *баиш* является соматизм *түбә* 'темя, макушка' – в урало-алтайской топонимии обычно означает холмы, вершины, возвышенности, пригорки, мысы. В формах *тебе, тепе, дөпе, түбе* зафиксирован в тюркской топонимии. В образовании башкирских оронимов (также *түпә, түбәләс, түмәләс, түбәсәй*) является одним из самых распространенных географических терминов (в [АСБЯ] зафиксировано 123 словоупотребления): *Таштүбә, Карагай түбә* и т. п. У башкир указанные горные объекты считаются священными, сакральными, здесь расположены каменные уба, могилы святых аулия.

Соматизмы *арка* 'спина, хребет' и *һырт* 'хребет' являются синонимичными и употребляются в значении 'горный хребет, горная цепь': *тау аркаһы, тау һырты, кыр арка* 'гребень горы', *аркаға менеу / һыртка менеу* 'подниматься по хребту', *Урал һырты* 'Уральский хребет', *тау һырты артылышы* 'хребтовый перевал', *Тимертырнак һырты, Тимерһырт, Айыуаткан аркаһы, Акйылға аркаһы*. В [АСБЯ] представлено 56 единиц с компонентом *һырт*, 27 – с *арка*. *Һырт* относится к универсальным топонимическим словам, употребляется в тюркских языках в разных значениях: в киргизском *сырт* 'высокогорное плато, высокогорная долина', в хакасском *сыр* 'бугор, холм, горка, крутой высокий берег, обрыв', *сырт* 'горный хребет', в туркменском *сырт* 'сопка, холм, горка'. *Арка* имеет значения: в тувинском и хакасском 'горный лес', 'тайга', 'вытянутый хребет', в алтайском 'предгорье, северный лесной склон', в якутском 'спина, запад, в ногайском и кумыкском 'курган' и 'вершина', 'гряда', 'гора'. *Арка* имеет

также значение 'ровное место на вершине горы'. Возможно, в некоторых случаях данные термины могут быть употреблены для обозначения сторон света, как, например, в караимском и ногайском языках, в которых слово *сырт* имеет значения 'обратная сторона, наружная сторона' и семему 'север', а *арка* 'спина' в якутском языке употребляется для указания на запад [Камалов, 1994, с. 83].

Кул 'рука'. Слово используется в самостоятельном значении 'лог, ложбина, долина' для обозначения как гидрографических, так и орографических объектов, имеет дериваты *кулка, кулат, кулауык, тау кулы*. Кул встречается в составе 23 гидронимов, 27 оронимов, 5 ойконимов. По подсчетам А. А. Камалова, в топонимии Башкортостана аппеллятив кул отмечен в составе 749 топонимов [Камалов, 1994, с. 166], при этом наблюдаются семантические различия по диалектам: в караидельском говоре этим словом обозначают поток дождевых вод, лог, ложбину, балку, сухое русло реки; демском – овраг, яму; говорах башкир северо-востока Башкортостана – промоину, рытвину; в говорах центральных районов – долину, приток реки. Судя по материалам, основной ареал топонимов с основой кул находится на северо-западе Башкортостана. Слово в формах *кол, гол, кьол, кэл, колчак, хол, колучак, колот, кулки* и др. имеется в большинстве тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков.

Каиш 'бровь' – используется как в гидронимах (*Шишимэкаш, Каишкабак*), так и в оронимах (*Каиштак, Манкаиштак*), при этом применение в оротопонимах значительно преобладает (в [АСБЯ] 35 против 3 гидронимов). Слово имеет дериваты *кашлак, каиштак* 'холм', 'возвышенность', 'яр', *каийер* 'холмистая местность', отмечаются значения 'возвышение, бровка, вал, холм, крутой берег, опушка леса'. В трудах Э. М. Мурзаев приводит *каш* в значении 'нефрит, нефритовый' в уйгурском и 'камень, каменный' в киргизском языках [Мурзаев, 1974, с. 290]. Как холм, так и камень, *каш* связан с горой и возвышенным местом, которые у башкир считались священными местами, выполняли обережную функцию.

В процесс номинации рельефа этнотерритории башкир активно вовлечен соматизм **морон** 'нос', в составе топонимов означающий 'острый выступ горы, мыс, обрыв в конце горы; острый выступ берега, частично окруженный водой': *Тауморон, Таиморон, Акморон, Каты морон* и т. п. Данный термин в формах *бурун, мурун, бурын, мурын* зафиксирован и в других тюркских языках. По мнению А. В. Дыбо, названия гор могли быть связаны с частями тела животных, а не человека [Дыбо, 2006, с. 648]. В башкирском языке географический термин *морон* в составе ряда гидронимов также приобретает значение, соответствующее русскому *губа*: *Обская губа – Обь мороно* (примечательно, что в начале становления башкирской географической терминологии лексема *губа* была заимствована из русского языка без изменений: *Карская губа – Карский губаһы* [Хакимов, 1952, с. 10]. Видимо, здесь решающим оказался тот факт, что топообъект губа не свойственен географии Башкортостана).

Тамак 'горло, гортань; глотка'. Слово используется в значениях 'устье', 'вход в ущелье', 'небольшое ущелье', например: *йылға тамағы, изел тамағы, шишимэ тамағы* 'устье реки' и входит в состав гидронимов и оронимов, но чаще всего ойконимов (46 словоупотреблений в [АСБЯ]): *Стәрлетатамак, Мәнәүезтатамак, Соказытатамак* и т. п. По поверьям башкир, *тамак* – это опасный участок земли, связанный с поглощающей функцией и соединяющий несколько рек вместе в одно целое. Тем не менее в географических объектах термин чаще применяется для фиксации места, где малые по величине реки впадают в более крупные. Также следует заметить, что в башкирской топонимии *тамак* синонимичен вышеуказанному географическому термину *ауыз* 'устье, низовье реки; вход в ущелье, пещеру'.

Куз ‘глаз, око’ – в составе гидронимов дает понятие ‘ключ, источник, родник’, например: *Йәшкүз тауы* – название горы с источником, букв.: ‘гора со слезящимся глазом’ в Белорецком районе, *Кузагыза йылғаһы* – название речки в Белорецком районе, досл.: ‘глаз течет; река плачет’; *Кузгәнәк* – родник в Белорецком, Буздякском районах, *Кузйылға* в значении ‘невывсыхающий родник, источник’ встречается по всей этнотерритории башкир. В башкирской мифологии все, что нас окружает, имеет глаза. Именно поэтому родники – *күз, күзләү, күзләүес, күзгәнәк, күзләүек* воспринимаются у башкир глазами земли. Поэтому стало возможным использование данного термина в составе гидронима *Кузлешишмә* – название родника в Мелеузовском районе, который состоит из двух географических терминов: *күз* ‘глаз; родник’ > *күзле* ‘родниковый’ + *ишмә* ‘ключ, источник’.

Соңка/сока ‘бугорок затылочной кости’ в составе оронимов употребляется в значениях ‘холм, бугор; вершина, пик, острый выступ горы или скалы; впадина, рытвина, глубокая долина между горами, каньон, обвал, промоина; воронка на дне реки’, например, синтагмы *тау соңкаһы* ‘вершина горы’, *йылға соңкаһы* ‘воронка на дне реки’ и т. п. Данный географический термин в основном зафиксирован в микротопонимах Республики Башкортостан: *Һәйет суҡыһы, Әмир суҡыһы, Йәһүзә суҡыһы, Козаиш суҡыһы, Суҡытаиш, Суҡытау* и т. п. В форме *чука, чуга, чунгул, шоки* в качестве компонентов топонимов зафиксированы и в других тюркских языках. Топотермин *соңка/сока/сука* имеет значение ‘холм, бугор; вершина, пик, острый выступ горы или скалы’ на юго-восточной территории Башкортостана, а с семантикой ‘овраг, впадина, рытвина’ распространен в северо-западных районах республики – гидронимы *Соказы, Соказыбаиш, Соказытамак, Сокалы* и т. п. Изложенные факты свидетельствуют о том, что данный географический термин связан с ландшафтом местности. В связи с тем, что в северо-западном Башкортостане простираются неровные равнины и нет скалистых гор, данный термин стал применяться в номинации выступающих частей обрывов, берегов рек и т. д.

Бит ‘лицо; щека’ имеет значения географического термина ‘отлогий, широкий склон, скат горы, берега; поверхность озера, земли’ в словообразовательных вариантах *битләү, битләк, битләс, тау бите* с той же семантикой. В материалах [АСБЯ] встречается в составе 28 оронимов. Термин можно отнести к словам, выражающим специфику мировидения башкир, так как в других тюркских языках данное понятие передается через слова, близкие по смыслу, ср. в алтайском *јаак* ‘щека, челюсть’, в киргизском и казахском *чика/чока* ‘висок’.

Соматизм **бил** ‘талия, поясница’ в географической терминологии в сочетании со словом *тау* в форме *тау биле* употребляется в значении ‘седловина возвышенности или горы – понижение между двумя вершинами в горном хребте’. Слово зафиксировано в топонимии Средней Азии и Тянь-Шаня. Лексема *бил* связана с пограничьем, разделяет верхний и нижний миры. Соматизм вошел в состав 11 оронимов (в материалах [АСБЯ]): *Бейекбил, Тәпәшәк бил, Карабил, Текәбил, Торнабил* и др.

Колак ‘ухо’ в гидронимии означает ‘затон, залив, лука, рукав, излучина реки или изгиб русла’, в оронимии – ‘часть или мыс горы, скалы’. В формах *кулак, хулах, кулок, кулаг, кулык, кулаһ, кула, кылак, холах, кулгак, халха* зафиксирован в других тюркских языках. Географический термин *колак* в основном употребляется в горных районах Башкортостана в значении ‘рукав реки; т. е. ответвленная часть реки от основного русла’. Отмечается также значение ‘проток, связанный подземными водами с большим водоемом’ [Шакуров, 1984, с. 139]. В оронимии фиксируется вид горы, имеющей форму уха: *Колактау* ‘мыс горы’, *Таишы колак* ‘каменистая скала’ и т. п.

Соматизм *муйын* 'шея' в географической терминологии употребляется в значении 'перешеек — тонкая полоска земли, ограниченная с двух сторон водой и соединяющая две части суши'. Данный географический термин чаще обозначает болотистый проток (иногда подземный), соединяющий озера и в какой-то мере синонимичен топониму *кендек* 'подземное русло реки, озера'. В формах *бойун*, *буйын*, *мойун*, *моюн*, *мойнок*, *мойнак* зафиксирован в других тюркских языках. В составе башкирских гидронимов не наблюдается, но в топонимике встречаются оронимы в значении 'острые скалы, напоминающие шею', например, *Муйынһөйәкташ*, *Муйнак-таш*, *Дөйәмуйын* и т. п. Следует отметить, что в башкирской мифологии *муйын* 'шея' соединяет верхние и средние миры, т. е. символизирует пограничье. Такая специфичная функция перешла на топонимический термин. Особенно мифологизированы водные объекты, соединяющие озера, участки суши, иногда представляющие болотистые протоки, связанные с подземными водами.

Соматизм *сам* 'пах' в топонимии встречается в значении 'разветвление реки, рукав реки', употребляется с апеллятивами *йылға* 'река', *тау* 'гора', *юл* 'дорога': *йылға саты* 'развилка реки', *юл саты* 'развилка дороги', *урам саты* 'развилка улицы', а также входит в состав топонимов: гора *Дирән уй саты*, река *Сатлы*, *Саткул*, деревня *Үрге Сам*. В формах *чат*, *шат*, *чатак*, *чаткал* данный термин зафиксирован в топонимии Средней Азии, Кавказа, Урало-Поволжья, Ближнего Востока и т. д. [Мурзаев, 1984, с. 608–609]. В башкирской мифологии места, обозначенные словом *сам*, являются опасными, сюда выбрасываются заговоренные вещи, изгоняются духи болезней. Очевидно, это обусловлено тем, что *сам* в представлениях башкир связан с нижним миром.

Таким образом, образное и ассоциативное представление носителей языка привело к использованию анатомических терминов в башкирской топонимике. Топонимизация апеллятивов происходит в результате ассоциативного мышления, метафорического переноса названий частей тела на ландшафт. Изучая антропоморфную и зооморфную метафору в тюркских ландшафтных названиях, А. В. Дыбо отмечает, что «перенос названий частей тела на ландшафтные объекты, будучи универсальным явлением, чрезвычайно распространен в тюркских языках», при этом следует различать горный и водный ландшафты. «По отношению к водному ландшафту достаточно единообразно по разным тюркским ареалам употребляются различные наименования частей человеческого тела... Гора, метафоризируясь как нечто сходное с живым существом, рассматривается либо как человеческое лицо, либо как тело лежащего животного» [Дыбо, 2006, с. 654, 658]. Подобная картина реконструируется и для башкирского ландшафта.

Находясь на границе земли (среднего мира) и неба (верхнего мира), гора у башкир является мифологизированным природным объектом. По народным поверьям гора считается священным местом: на ней произносят благопожелания, просят благословения; по представлениям башкир горы ближе к небу, Всевышнему, поэтому обряды (жертвоприношения, вызывания дождя и др.) совершались на горе.

Для обозначения частей гор из соматизмов используются только названия частей тела человека, расположенные выше пояса (голова, макушка, глаз, рот, бровь, шея, подмышка, спина, поясница, ребро, позвоночник, пазуха, грудь, бугорок затылочной кости), из соматизмов, присущих животным, применяются слова *нос*, *горб* и *хребет*. В описании горы нет названий-соматизмов ниже колен. Для обозначения нижних частей горы человек прибегает к названиям одежды, например: *итәк* 'подол'. То, что находится под горой, — это уже нижний мир. То, что за горой, выражается лексемой *арт* 'зад', которая представляет мифическую землю, куда в заговорах изгоняется нечистая сила, духи болезней.

Гидронимические термины, образованные от соматизмов, отличаются от оронимической терминологии. Анализ соматической лексики в составе башкирских гидронимов и географических терминов показывает, что реки имеют следующие антропоморфные части: голова, глаз, бровь, веко, ухо, нос, рот, горло, глотка, шея, стан, подмышка, рука, локоть, пупок, нога. Как видим, в строении крупных рек угадывается человек со всеми его частями тела. Метафорические названия водных объектов башкирского языка возникли в результате персонификации рек, что основывается на анимистических представлениях.

Водное пространство представляется в языковой картине мира башкир лежащим. Об этом свидетельствуют смысловые синтагмы, отражающие положение водоема: *һыу ята* 'вода лежит', *ятыу* 'омут водоема', *йәйелеу* 'простирается' и т. п. Это подтверждается башкирской загадкой-поговоркой про реку: *Баһы тауза, аяғы диңгезгә* 'Голова на горе, ноги на море'. В горных объектах башкиры также увидели *итәк* (подол), который зафиксирован в орониме *Бишитәк* 'пять подолов'. В гидрографических же объектах отмечается перенос *балак* 'штанина' – 'небольшая протока в устье реки'. Подобные термины чаще всего встречаются в северо-западной зоне республики, протоки впадают в русла больших рек, берущих свои начала от *баи* 'исток, верховье' на юго-востоке, где локализуются высокие бесчисленные скалистые хребты Уральских гор (*Кырака*, *Ямантау*, *Янгантау*, *Ирәмәл*, *Ирәндәк* и т. п.). Например, *Иске Балак* 'старые штанины' – приток Базы, *Балакбай* 'широкая штанина' – приток Базы, *Балаковка* – левый приток Волги и т. п.

В целом основная функция употребления гидрографических терминов-соматизмов (от головы до ног) заключается в отражении естественного последовательного процесса соединения мелких водоемов в море. Многие прозрачные истоки превращаются в речки с чистым каменистым дном, которые впадают в спокойные реки с галечным или илистым (глинистым) дном, далее реки впадают в море, нередко в середине пути встречаются озера с притоком и оттоком. Данные озера называются *Кендекле* досл.: 'с пупком или с пуповиной'.

Подробное изучение и анализ соматической лексики в составе башкирских географических названий позволяет сделать следующие выводы:

- 1) большинство отсоматических географических терминов относятся к общетюркской географической номенклатуре;
- 2) в образовании башкирских отсоматических топооснов выявляется собственная этнолингвистическая и ареальная специфика, отличная от других тюркских языков, которая базируется на мифологическом мировоззрении;
- 3) горы наделяются всеми основными частями человеческого лица – *бит* (*битләу*), *морон*, *ауыз*, *күз* (*күзәу*); термины оронимии олицетворяют горы стоящими в оборчатом подоле, которые являются священным местом обитания духов-покровителей башкир;
- 4) водное пространство отразилось в языковой картине мира башкир лежащим, в связи с чем образуются соответствующие смысловые синтагмы.

Таким образом, разнообразие ландшафта Республики Башкортостан способствовало образованию в языке башкир специфической географической терминологии, часть которой основана на метафоризации видимых частей тела человека или животного. В дальнейшем перспективным представляется этнолингвистическое изучение соматизмов в составе топонимов во взаимосвязи с фольклорными материалами: мифами, обрядами, обычаями, поверьями башкир.

Список литературы

- АСБЯ – Академический словарь башкирского языка: В 10 т. / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011–2018.
- Башкирское народное творчество. Эпос. Т. 1 / Сост. М. М. Сагитов. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1987. 544 с.
- Березович Е. Л.* Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 338 с.
- Бухарова Г. Х.* Башкирская ономастика в контексте духовной культуры: Словарь мифотопонимов. Уфа: Гилем, 2006. 112 с.
- Бухарова Г. Х.* Антропоморфный и соматический коды культуры в моделировании ландшафта и их отражение в башкирской топонимии // Вестн. Башкир. ун-та. 2015. Т. 20, № 4. С. 1289–1294.
- Валиева М. Р.* Булгаризмы в башкирской гидронимии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 1. С. 300–304.
- Гачев Г. Д.* Национальные образы мира: Курс лекций. М.: Академия, 1998. 432 с.
- Древнетюркский словарь.* Л., 1969.
- Дыбо А. В.* Антропоморфная и зооморфная метафора в тюркских языках // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. С. 648–659.
- Камалов А. А.* Башкирская топонимия. Уфа: Китап, 1994. 304 с.
- Киекбаев Дж. Г.* Вопросы башкирской топонимики // Учен. зап. Башкир. гос. пед. ин-та. Сер. Филологическая. 1956. Вып. 8, № 2. С. 231–239.
- Конкобаев К.* Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе: Илим, 1980.
- Матвеев А. К.* Географические названия Урала: Топонимический словарь. Екатеринбург: Сократ, 2008. 352 с.
- Молчанова О. Т.* Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 256 с.
- Муратова Р. Т.* Символика чисел в языке и культуре башкир. Уфа, 2012. 180 с.
- Мурзаев Э. М.* Очерки топонимии. М., 1974. 382 с.
- Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 656 с.
- Мурзаев Э. М.* Топонимика и география. М.: Наука, 1995. 304 с.
- Словарь топонимов Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2002. 256 с.
- Суперанская А. В.* Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. 182 с.
- Топонимия Центрального Казахстана. Алматы: Ғылым, 1989. 256 с.
- Усманова М. Г.* Имя отчей земли. Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар. Уфа: Китап, 1994. 272 с.
- Хакимов М. А.* Русско-башкирский, башкирско-русский словарь географических терминов. Уфа: Башгосиздат, 1952. 54 с.
- Хисамитдинова Ф. Г.* Башкирская ойконимия XVI–XIX вв. Уфа, 1991.
- Хисамитдинова Ф. Г.* Географические названия Башкортостана. Уфа, 1992.
- Шакуров Р. З.* Память земли. Научно-художественные очерки и статьи. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1984. 168 с. (На башкир. яз.).
- Шакуров Р. З.* Историко-стратиграфическое и ареальное исследование башкирской топонимии Южного Урала и Предуралья: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1998. 38 с.
- Ягафарова Г. Н.* Исследование тематических групп башкирской лексики (ономастиологический подход). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. 127 с.

Karabulatova I. S., Sayfulina F. S. Mytholinguistic interpretation of sacral toponym Astana in sociocultural practice of the Siberian Tatars // Asian Social Science. 2015. Vol. 11, No. 5. P. 303–310.

Nakhanova L. A. Lexical-semantic analysis of the Ancient Turkic place names // World Applied Sciences Journal. 2013. No. 4. P. 475–483.

F. G. Khisamitdinova¹, G. N. Yagafarova², R. T. Muratova³, M. R. Valieva⁴

*Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation*

¹ hisamitdinova@list.ru, ² rishrinat@mail.ru, ³ bairima@yandex.ru, ⁴ valieva_1979@list.ru

The role of somatisms in the Bashkir toponymy

The paper is devoted to the study of the characteristic features of geographical terms and toponyms, formed from somatisms in the Bashkir language on the basis of metaphorization. A diverse landscape of the Republic of Bashkortostan, with steppes and forest-steppes being replaced by taiga, forests, mountain peaks and thousands of rivers and hundreds of lakes cutting through the natural landscape, gave birth to a specific geographical terminology in the Bashkir language. In total, more than 60 somatic terms have been identified, among which the names of the visible parts of the body, rather than of the internal organs, prevail. Most of the geographical terms-somatisms are universal for all Turkic languages. As seen from the factual material, the words *baş* 'head', *hyrt* 'back', *arqa* 'back', *qul* 'arm', *moron* 'nose', *tamaq* 'throat', *kyz* 'eye' etc. are the most frequent in all Turkic languages, including Bashkir. Some words are presented showing the specific use of somatisms in certain Turkic languages. The study reveals the characteristic geographical terms of the Bashkir toponymy and explains the features of their origin in connection with the mythological view and the worldview of the Bashkirs. It is noted that the mountainous and water landscapes differ according to the somatisms used; a specific representation of each of them is revealed. According to the linguistic materials, the Bashkir mountain is personified by a living creature that faces the subject. The subject perceives only its visible part from the top to the slope. Therefore, only the parts of the body above the waist are used among somatisms. As concerns the names of large rivers, they represent a person with all of his/her external body parts from head to foot. The water space is represented in the language picture of the Bashkir world as something being stretched.

Keywords: Bashkir language, place names, somatic terms, oikonyms, hydronyms, oronyms.

DOI 10.17223/18137083/65/15

References

Akademicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka [The academic dictionary of the Bashkir language]. F. G. Khisamitdinova (Ed.). Ufa, Kitap, 2011–2018.

Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Epos. T. 1 [Bashkir folklore. Epos. Vol. 1]. Ufa, Bashkir. kn. izd., 1987, 544 p.

Berezovich E. L. *Toponimiya Russkogo Severa: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Toponymy of the Russian north: Ethnolinguistic studies]. Ekaterinburg, Izd. Ural. Univ., 1998, 338 p.

Bukharova G. Kh. Antropomorfnyy i somaticheskiy kody kul'tury v modelirovanii landshafta i ikh otrazhenie v bashkirskoy toponimii [Anthropomorphic and somatic codes of culture in the terrain modeling and their reflection in the Bashkir toponymy]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta (Bulletin of Bashkir University)*. 2015, vol. 20, no. 4, pp. 1289–1294.

Bukharova G. Kh. *Bashkirskaya onomastika v kontekste dukhovnoy kul'tury: Slovar' mifotoponimov* [Bashkir onomastics in the context of spiritual culture: the dictionary of mythotypes]. Ufa, Gilem, 2006, 112 p.

Drevnetyurkskiy slovar' [Old Turkic dictionary]. Leningrad, 1969.

- Dybo A. V. Antropomorfnyaya i zoomorfnyaya metafora v tyurkskikh yazykakh [Anthropomorphic and zoomorphic metaphor in Turkic languages]. In: *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazykosnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Praturk basic language. The worldview of the Proto-Turkic ethnos according to the language]. Moscow, Nauka, 2006, pp. 648–659.
- Gachev G. D. *Natsional'nye obrazy mira. Kurs lektsiy* [National images of the world. A course of lectures]. Moscow, Akademiya, 1998, 432 p.
- Kamalov A. A. *Bashkirskaya toponimiya* [Bashkir toponymy]. Ufa, Kitap, 1994, 304 p.
- Karabulatova I. S., Sayfulina F. S. Mytholinguistic Interpretation of sacral toponym Astana in sociocultural practice of the Siberian tatars. *Asian Social Science*. 2015, vol. 11, no 5, pp. 303–310.
- Khakimov M. A. *Russko-bashkirskiy, bashkirsko-russkiy slovar' geograficheskikh terminov* [Russian-Bashkir, Bashkir-Russian dictionary of geographical terms]. Ufa, Bashgosizdat, 1952, 54 p.
- Khisamitdinova F. G. *Bashkirskaya oykonimiya XVI–XIX vv.* [Bashkir oikonymy of the 16–19th centuries]. Ufa, 1991.
- Khisamitdinova F. G. *Geograficheskie nazvaniya Bashkortostana* [Geographical names of Bashkortostan]. Ufa, 1992.
- Kiekbaev Dzh. G. Voprosy bashkirskoy toponimiki [Problems of Bashkir toponymy]. *Uchen. zap. Bashkir. gos. ed. in-ta. Ser. Filologicheskaya*. Ufa, 1956, iss. 8, no. 2, pp. 231–239.
- Konkobaev K. *Toponimiya Yuzhnoy Kirgizii* [Toponymy of Southern Kyrgyzstan]. Frunze, Ilim, 1980.
- Matveev A. K. *Geograficheskie nazvaniya Urala: Toponimicheskii slovar'* [Geographical names of the Urals: Toponymic dictionary]. Ekaterinburg, Sokrat, 2008, 352 p.
- Molchanova O. T. *Strukturnye tipy tyurkskikh toponimov Gornogo Altaya* [Structural types of the Turkic toponyms of the Altai Mountains]. Saratov, Izd. Saratovskogo univ., 1982, 256 p.
- Muratova R. T. *Simvolika chisel v yazyke i kul'ture bashkir* [Symbolism of numbers in Bashkir language and culture]. Ufa, 2012, 180 p.
- Murzaev E. M. *Ocherki toponimii* [Essays on toponymy]. Moscow, 1974, 382 p.
- Murzaev E. M. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of national geographical terms]. Moscow, Mysl', 1984, 656 p.
- Murzaev E. M. *Toponimika i geografiya* [Toponymy and geography]. Moscow, Nauka, 1995, 304 p.
- Nakhanova L. A. Lexical-semantic analysis of the ancient Turkic place names. *World Applied Sciences Journal*. 2013, no. 4, pp. 475–483.
- Shakurov R. Z. *Pamyat' zemli. Nauchno-khudozhestvennye ocherki i stat'i* [Memory of the Earth. Scientific and artistic essays and articles]. Ufa, Bashkir. kn. izd., 1984, 168 p. (In Bashkir).
- Shakurov R. Z. *Istoriko-stratigraficheskoe i areal'noe issledovanie bashkirskoy toponimii Yuzhnogo Urala i Predural'ya* [Historical and stratigraphic and areal research of the Bashkir toponymy of the Southern Urals and Urals]. Abstract of Dr. philol. sci. diss., Ufa, 1998, 38 p.
- Slovar' toponimov Respubliki Bashkortostan* [Dictionary of toponyms of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, Kitap, 2002, 256 p.
- Superanskaya A. V. *Chto takoe toponimika?* [What is toponymy?]. Moscow, Nauka, 1984, 182 p.
- Toponimiya Tsentral'nogo Kazakhstana* [Toponymy of central Kazakhstan]. Almaty, Fylym, 1989, 256 p.
- Usmanova M. G. *Imya otchey zemli. Istoriko-lingvisticheskoe issledovanie toponimii basseyna reki Sakmar* [The name of the father of the land. Historical and linguistic study of the toponymy of the Sakmar river basin]. Ufa, Kitap, 1994, 272 p.
- Valieva M. R. Bulgarizmy v bashkirskoy gidronimii [Bulgarisms in Bashkir hydronymy]. *Problems of History, Philology and Culture*. 2014, no. 1, pp. 300–304.
- Yagafarova G. N. *Issledovanie tematicheskikh grupp bashkirskoy leksiki (onomasiologicheskii podkhod)* [Study of thematic groups of the Bashkir lexicon (onomasiological approach)]. Ufa, IYYaL UNTs RAN, 2008, 127 p.